И. А. Разумова
Петрозаводск

АНТРОПОНИМИЧЕСКИЙ МЕМОРАТ В СЕМЕЙНОМ ФОЛЬКЛОРЕ

Под антропонимическим меморатом мы понимаем прозаический текст, коллизию (point) которого составляют имянаречение или прецедент, связанный с функционированием личного имени. Преимущественной сферой бытования таких меморатов является семья. Практика имянаречения зависит от того, как складываются взаимоотношения между семейно-приватной и внеположными ей сферами, так как решение о выборе имени ребенку принимается в семье (или теми, кто берет на себя ее функции в исключительных случаях).

Область семейных значений имени выявляется в способах наречения, формах использования личных имен и сюжетике семейных рассказов. Выделим основные факторы наречения и употребления имен в их отношении к семейным традициям (сюжетообразующие ситуации).

С традицией крещения был связан дуализм крестильного и мирского имени, характерный для русской культуры до XVIII века и сохраняющийся иногда до настоящего времени.

Парность выбранного в семье и крестильного имен может быть рассмотрена не только с точки зрения оппозиции профанного / сакрального, на что указывает Б. А. Успенский[1], но и как противопоставление приватного и государственного, официального и неофициального. Дуализм и множественность имен, постоянно поддерживаемые в культуре, обуславливаются рядом конвергентных факторов.

Парные имена: крестильное и мирское, реальное и «по документам», официальное и фамильярное, имя и прозвище — существуют в разном историко-культурном контексте. Мифо-ритуальную аналогию представляет «защитный вариант» имянаречения[2], при котором истинное имя должно быть скрыто от влияния злых сил.

Несовпадение «документального» и употребляемого имени имеет причины, связанные с прецедентом при имянаречении либо с последующей сознательной переменой имени его носителем. Изначальная парность имен объясняется несоответствием избранного имени официальному стандарту, «чиновничьим святцам», или неким казусом. Например, отец от волнения забыл

© Разумова И. А., 2001

[1] *Успенский Б. А.* Мена имен в России в исторической и семиотической перспективе // Успенский Б. А. Избр. тр. Т. 2. Язык и культура. М., 1996. С. 191.

[2] *Топоров В. Н.* Имена // Мифы народов мира. Т. 1. М., 1991. С.509.

имя младенца, пока нес его регистрировать, или регистратор неправильно записал имя и т. п.

Серия рассказов на эту тему связана с чиновничьим произволом: «Аленку при рождении хотели назвать Аленой, но в поселковом совете сказали, что такого имени нет в русском народе (еще одна ирония судьбы!). Пришлось записать Алену как Лена, но поскольку родители очень хотели, чтоб она была Алена, то стали ее так называть. И сейчас об этом знают только близкие родственники, а для остальных она просто Аленушка» (Ирина, 17 л.).

Одна из самых устойчивых традиций — наречение детей именами покойных или здравствующих старших родственников. Даже в эпоху абсолютного преобладания и «законности» крестильных имен «родовой обычай совмещался с христианским, особенно в княжеской среде»[3].

Имя в семье приобретает дополнительные и конкретные значения. Называют обычно «в честь» родственников персонально. Выбор производится главным образом из имен прародителей через одно-два поколения, а также дядей и тетей. Бывает так, что семья особенно выделяет одного предка и поддерживает память о нем. В честь общего предка называют несколько внуков и правнуков, Имя ассоциировано с личными свойствами, которые признаны фамильными. У одинаково названных родственников всегда усматривается сходство, что способствует самоопределению, ориентирует на образец, устанавливает избирательные внутрисемейные связи: «Все говорят, что я вылитая баба Маша, в честь которой меня и назвали. Я и сама ощущаю с ней какую-то внутреннюю связь, которую трудно объяснить. Все родственники говорят, что у меня даже движения, жесты, выражение лица в той или иной ситуации одинаковы. Может быть, это связано с именем, которое передалось мне по наследству, а вместе с именем и многие качества бабушки» (Мария, 17 л.).

В истории рода имя может изменить значение, так как меняется набор свойств, которые с ним ассоциированы. Одна из информантов рассказала, что ее хотели назвать Екатериной, но вспомнили, что две родственницы с таким именем умерли от рака, и не назвали (Н., 46 л.).

Аналогичным образом имя связано с судьбой человека, что учитывается при имянаречении. Выбор имени зависит от судеб не только родственников — его носителей, но даже литературных персонажей: «Хотела назвать Ларисой, в честь любимой героини из “Бесприданницы”, но подумала, что судьба-то у нее печальная».

Известно, что нельзя давать новорожденному имя рано умершего члена семьи, чтобы его судьба не повторилась. Нарушение запрета и его последствия составляют сюжет многочисленной группы рассказов.

---

[3] *Успенский Б. А.* Указ. соч.

Совпадения заставляют делать выводы и определять стратегию имянаречения: «В семье нашей, нашем роду мужчины с именем Вова не смогли прожить <...>. Два человека с именем Володя умерли почти от одного и того же несчастного случая (придавило деревом, бревном). Теперь, если у нас в роду рождается мальчик, то мы его уже Вовой не называем» (Ирина, 17 л.). Достаточно одного прецедента, чтобы семья испытала чувство неуверенности. Высказывания и рассказы на эту тему повторяются в ситуациях выбора имен, на именинах, похоронах, поминках.

«Неправильно» данное имя — оправдание несчастий. Сохраняется примета, что «не к добру» называть детей одинаково, если первый умер. Нарушать запрет — идти наперекор высшим силам. В «Семейных записках» Т. Толычевой, опубликованных в начале века, мемуаристка приводит факт семейной биографии с тем, чтобы показать своенравный характер своего родственника, который безрезультатно пытался пересилить судьбу: сыновья, названные Сергеями, умирали в младенчестве[4].

Иное значение имеет запрет одинаково называть двух живых детей. В его основе — идея опасности сдваивания. Запрет распространяется не только на живущих в одном доме, но и на родственные семьи. За нарушением запрета следует наказание (смерть), касающееся в первую очередь родственников одного поколения и отчасти — смежных. Считается, например, что «две сестры с одинаковыми именами на этом свете не уживутся».

Запрет на повторное имянаречение детей представляет частный случай запрета на удвоение имени здравствующих членов семьи: «А еще очень часто говорят о том, что если назвать родившегося ребенка именем одного из родственников, а точнее — членов семьи, то один из них обязательно уступит место другому. Так вышло и у нас. Меня назвали в честь моей прабабки <имя>, и вскоре она умерла. Уступила мне место» (Ольга, 18 л.).

То, что нарушение порядка происходит невольно и даже из лучших побуждений сохранить семейное имя, создает трагическую коллизию: ребенок, названный именем считавшегося погибшим родственника, умер; родственник, как оказалось, жив.

Хорошая примета — совпадение имен, отчеств у мужа с женой и в семьях свойственников, а также совпадение инициалов супругов.

Одна из мотивировок выбора имени — этимологическое значение антропонима: Светланой называют девочку с белыми волосами; каждый раз рассказывают это, когда речь заходит о ее внешности. Имя закрепляет имеющиеся свойства, поэтому вполне может родиться из прозвища и обрести условную этимологию: «Юля — от слова “юла”. С самого рождения я была очень неспокойным и вертлявым ребенком ...» (Юлия, 18 л.).

---

[4] *Толычева Т.* Семейные записки. М., 1903. С. 43.

Выбор имени опосредован культурно-историческим контекстом. Детей называют в честь государственных деятелей и космонавтов, артистов и литературных персонажей, писателей и популярных ведущих телепрограмм, — которые выступают своего рода заместителями святых в современной, особенно городской, культуре. В имени откладываются факты семейной биографии и культурные впечатления членов семьи, прежде всего родителей.

Детей нередко называют по именам людей, близких семье: любимых друзей, учителей и т. п. В свою очередь, отказ от имени оправдывается нежелательными ассоциациями с людьми из известного окружения: «Меня хотели назвать Наташей, но в их деревне была какая-то дурочка, которую звали Наташей» (Лариса, 39 л.).

Немаловажна и мода на имена, их социальная престижность. Есть имена с постоянно высоким социо-культурным статусом, а есть и очень подверженные моде. Сейчас, например, детей зачастую называют именами персонажей мексиканских телесериалов (почти «членов семьи»), причем воспринятыми на слух со всеми понятными последствиями.

Вместе с тем представления о современном и старомодном, городском и деревенском, благозвучном и диссонирующем и т. п. субъективны и индивидуализированы как личностно, так и семейно. Установке на моду в равной степени противостоят стремление к оригинальности и ориентация на фамильную традицию.

Антропоним, как любое наименование, — это свернутый сюжет, опирающийся на типовые мотивы. Называние вещей создает мифологическую ситуацию и предстает как акт творения, перерождения (переименования) или распознавания «истинного» имени[5]. Семейные рассказы о личных именах представляют называние ребенка в виде: а) сознательного действия родственников, их волеизъявления и б) «получения» имени извне. В первом случае имядатель выступает как творец, который с помощью имени программирует характер, судьбу новорожденного, предоставляет ему покровителя из числа предков или иного. «Образ покровителя» всегда присутствует при имянаречении, явно или имплицитно. Приобретая имя, человек оказывается под патронажем известного коллектива — родственного, социального, этнического и т. д., — а также персонально предка, святого, некоей «образцовой» личности или положительных сил, воплощенных в значении имени.

Антропонимические мемораты первого типа базируются на мотиве выбора или «спора об имени». Возможность выбора, осознанно реализуемая в культуре нового времени[6], создает сюжетную коллизию мемораторов. Структура элементарного сюжета: спор — разрешение спора. Варианты создаются способами разрешения конфликта. Окончательному решению предшествует

---

[5] *Лотман Ю. М., Успенский Б. А.* Миф — имя — культура // Успенский Б. А. Избр. тр. Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. М., 1996. С. 437.

[6] *Успенский Б. А.* Указ. соч. С. 189.

предварительное, за ним следует переименование: «Имя выбирали между Татьяной и Еленой <...>. И пока мы с мамой лежали в роддоме, все меня звали Таней. Но когда меня привезли показывать прабабушке Лене, она категорически отказалась звать Таней, и меня перезвали снова Леной в честь нее» (Елена, 18 л.).

Исключительная роль при имянаречении принадлежит детям. «Ребенок дает имя новорожденному» — самый распространенный мотив. Судя по численности текстов, решение вопроса об имени предпочитают доверять детям.

Доверие и уважение к слову ребенка традиционно обусловлено представлениями о детстве как периоде жизни, когда еще сохраняется близость с потусторонними силами, и о детях как существах, связанных с миром предков[7]. Этнографические исследования показали, что дети — участники обрядов «наделялись особыми правами, поскольку все, что изображалось, произносилось детьми (например, в момент обрядового обхода домов), считалось очень значительным. До недавнего времени в русских деревнях верили в силу детских благопожеланий и боялись угроз, произнесенных детьми при исполнении обрядов»[8]. Согласно мифологическим рассказам, вещие способности детей проявляются в распознавании ими нечистой силы.

В ситуации имянаречения ребенок по неизвестной причине произносит какое-то имя, «вдруг» появившись в самый ответственный момент. Играет важную роль и всегда подчеркивается в рассказах элемент случайности при произнесении имени ребенком. Чрезвычайно значимым в этой связи оказывается и мнение посторонних детей, к которому всегда прислушиваются родители: «А назвали ее так потому, что когда она родилась и дедушка пошел в роддом посмотреть на дочь, то встретил около двери маленькую девочку, она сказала: “Если у вас дочка родилась, назовите ее Наташей, мне вчера купили куклу Наташу!” И решили назвать Наташей» (Юлия, 18 л.). В данном случае существенно все: а) имя произнесено на пороге, б) ребенком, в) первым встречным.

Случайная, непредвиденная, первая на пути встреча — знак судьбы; с ней связано множество примет и обычаев[9]. Прислушаться к голосу первого встречного ребенка при наречении младенца означает следовать провидению. Такой способ может планироваться заранее.

---

[7] См.: *Харузина В. Н.* Об участии детей в религиозно-обрядовой жизни // Этнографическое обозрение. 1911. Кн. 88—89. № 1—2; *Винокурова Ю. И.* Дети в некоторых обрядах и представлениях вепсов // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск, 1994. С. 41—63.

[8] *Некрылова А. Ф., Головин В. В.* Уроки воспитания сквозь призму истории. СПб., 1992. С. 29.

[9] *Плотникова А. А.* От знака к ритуалу. Встреча // Исследования по славянскому фольклору и народной культуре / Studies in Slavic Folk Culture. Вып. 1. Oakland, 1997. С. 94—104.

Во всех таких случаях имя не выбрано, но получено, подобно крестильному, которое предопределено свыше обстоятельствами рождения[10]. Согласно традиционному крестьянскому обычаю «окликания» новорожденного[11], младенец сам «выбирал» себе (плачем) имя и предка-покровителя.

Узнавание предопределенного имени осуществляется через специфические каналы связи с потусторонним миром: сны, гадания. В снах носителями знания выступают покойные предки, реже — далекие родственники. По утверждению одной из информантов (18 л.), ей приснился отец, который давно оставил семью, и сказал, как назвать двух будущих сыновей; одновременно он явился во сне и ее матери (бывшей жене) с тем же сообщением.

Менее «загадочными» предстают собственно материнские сновидения, в которых дается имя будущему ребенку: «Бабушка рассказывала, что когда она рожала старшего сына, то ей приснился сон, будто она идет по полю, где высокая пшеница. И тут она услышала плач ребенка. Бабушка пошла на него и увидела маленького мальчика, ее первым вопросом было: "Саша, ты чего плачешь?" Вот на следующий день она и родила мальчика, назвав его Сашей» (Олеся, 17 л.).

Провидческие указания в еще большей степени касаются тех будущих членов семьи, сознательный выбор имен которых исключен. Распознавание имени суженого гаданием — часть девичьей предсвадебной обрядности. Некоторые общеизвестные виды гаданий аналогичны способам имянаречения, как распознавания имени: спросить у первого встречного, доверить случаю, выбор из нескольких имен, записанных на бумажках и т. п.

В современной культуре возможности выбора из огромного и динамичного антропонимического фонда реализуются в полной мере, но при всей либерализации взаимоотношений людей и имен есть различные формы существования представлений о глубокой и таинственной связи человека и имени и об именах как неотъемлемой семейной собственности.

---

[10] *Успенский Б. А.* Указ. соч. С. 191.

[11] *Логинов К. К.* Семейные обряды и верования русских Заонежья. Петрозаводск, 1993. С. 43, 61.